

Едва Цин Нин затих, беспамятство, вызванное потерей крови, наконец накрыло его. Глядя на то, как тот закрывает глаза, Чу Вэй почувствовал, будто чья-то невидимая рука сдавила ему горло; он зашелся в мучительном кашле, едва не задохнувшись.

К счастью, врач прибыл быстро. Остановив кровотечение и наложив повязки, он позволил перевезти раненого в больницу. Чу Вэй последовал за ним и лично остался дежурить у постели.

Спустя десять с лишним часов Цин Нин наконец пришел в себя. Стоило ему приоткрыть веки, как он тут же наткнулся на пристальный взгляд Чу Вэя. Но это был не тот Чу Вэй, которого привыкли видеть окружающие. Обычно на людях молодой господин всегда казался кротким и улыбчивым, но сейчас — возможно, не ожидая, что Цин Нин очнется именно в этот момент — он не успел скрыть во взоре непривычную жестокость и холод. От этого взгляда у Цин Нина по спине пробежал холодок.

— Как ты? — Чу Вэй мгновенно переменялся в лице. Мрачные тени исчезли, сменившись привычной нежностью, от которой становилось тепло и спокойно, точно в термальном источнике. — Ничего не болит?

— Всё в порядке, — хрипло отозвался Цин Нин и поспешно отвел глаза.

Ему было не по себе: зная, что в этом мире Чу Вэй предпочитает женщин, Цин Нин находил такие долгие гляделки довольно странными.

Заметив это, Чу Вэй ощутил укол обиды, но, слыша сдавленный голос больного, не стал давать волю раздражению. Он тяжело поднялся и, то и дело прерывисто дыша, дошел до стола, чтобы налить воды.

— Должно быть, пить хочешь. Вот, глотни.

Цин Нин принял стакан и, оглядевшись, с недоумением спросил:

— Молодой господин, почему вы здесь один?

Чу Вэй резко отвернулся, будто смутившись.

— Да нет, не один... Остальные за дверью.

— Но нельзя же вам самому тут дежурить, — недовольно проворчал Цин Нин. — Вы и так слабы здоровьем, зачем так изнурять себя? Где Чунь Сян?

«Молодой господин ведь к ней равнодушен, почему она не пришла за ним присмотреть?» —

подумал он.

— Зачем она тебе? — подозрительно спросил Чу Вэй.

Цин Нин имел в виду одно, но Чу Вэй, как всегда, истолковал всё по-своему: он решил, что раненый просто хочет видеть любимую девушку.

— Ну как же, — пояснил Цин Нин, — она ведь ваша личная служанка, должна быть рядом и заботиться о вас.

Чу Вэй промолчал, решив, что это явный намек: Цин Нин хочет, чтобы Чунь Сян вернулась, дабы он мог видеть её каждый день. После недолгих раздумий молодой господин пошел на уступку.

— Хорошо, я позову её. Но когда выпишешься, будешь восстанавливаться в Чжэнфане, в моих покоех.

«Считай это утешением за ранение!» — подумал Чу Вэй.

Цин Нин удовлетворенно кивнул. Мысль о том, что этот доходяга будет за ним ухаживать, его не прельщала — скорее уж ему самому пришлось бы возиться с Чу Вэем. Лучше уж пусть пришлют кого-нибудь покрепче.

Видя его довольную мину, Чу Вэй помрачнел и натянуто улыбнулся. Он негромко позвал Ши Сюя.

— Что случилось, молодой господин? — Тот заглянул в палату и, увидев, что Цин Нин очнулся, просял: — О, Нин-гэ, ты пришел в себя!

Цин Нин одарил его взглядом в духе «а ты сам как думаешь?», после чего распорядился:

— Давай, отвези молодого господина домой. В больнице холодно и неудобно, нечего ему здесь силы тратить.

— Мы уже пытались его уговорить, — признался Ши Сюй, помогая Чу Вэю подняться. — Но он так за тебя переживал, что ни в какую не соглашался уходить.

Как только Чу Вэй вышел, в палату гурьбой ввалились остальные братья. Гуантоу, воровато погладив лысину, с восхищением выдал:

— Ух, повезло, что той ночью в комнате был ты, Нин-гэ! Кто другой бы с Ци Санем не сдюжил,

силища у него — страсть.

— Ой, помолчи лучше, — поморщился Цин Нин.

Ему совсем не хотелось вспоминать тот кошмар. Удар ножом — это, черт возьми, больно. Поначалу он еще надеялся, как герой аниме, вытащить оружие из своего тела и пойти в контратаку, но на деле... к нему даже прикоснуться было страшно.

— Нин-гэ — герой! — Из-за спины Гуантоу высунулся Ванцай, но тут же спрятался обратно.

Той ночью он стоял на стреме вместе с Ци Санем, но так сладко задремал, что даже не понял, как его оглушили. Теперь он боялся, что Цин Нин задаст ему трепку. И не зря.

— А, — протянул Цин Нин, вспомнив про этого горе-охранника. — И как это Ци Сань не догадался прирезать тебя первым делом?

— Да ну... — Ванцай виновато почесал затылок. — Видать, я для него невеликая помеха. Нин-гэ, прости, подвел я вас тогда.

— То-то же, — буркнул Цин Нин.

Вскоре после ухода Чу Вэя появилась Чунь Сян. Девчонка всем видом показывала, что пришла через силу, однако дело знала: живо подложила Цин Нину под спину подушки, помогла сесть, налила принесенного бульона и уже собралась было кормить его с ложечки.

Цин Нин, не желая никаких вольностей с пассией своего господина, ослабил:

— Руки у меня вроде на месте. С чего это ты вздумала меня с ложки кормить?

Чунь Сян, чье доброе намерение так грубо отвергли, вмиг ощетижилась.

— Да чтоб тебе язык отрезали! — в сердцах выкрикнула она. — Больно надо тебя кормить! Если б не молодой господин, я бы на тебя и не взглянула!

Цин Нин, не обращая внимания на её гнев, придвинул миску и в несколько глотков осушил её.

— Знаю я, что тебе охота за господином хвостиком ходить, — подлил он масла в огонь. — Но видишь, он всё равно ко мне тебя прислал.

— Ты!.. — Чунь Сянхватила пустую плошку и с грохотом поставила её на тумбочку. — Вечно ты ко мне придираешься! Чем я тебе не угодила? А? Говори!

Цин Нин задумался. Чунь Сян и впрямь ничего плохого ему не сделала. Можно ли считать его поведение придирками? Пожалуй. Но признавать свои ошибки этот «упрямый осел» не собирался.

— Вовсе я не придираюсь, — буркнул он. — Это ты на меня всё время косишься при господине.

— Это... это потому, что ты мои обязанности отобрал! — Чунь Сян в спешке собрала посуду в деревянный короб и, не прощаясь, вылетела вон.

Цин Нин лишь фыркнул. Ушла — и скатертью дорога, пришлют кого-нибудь другого.

— Что это с ней? — спросил вошедший Гуантоу, глядя вслед рассерженной служанке. — Нингэ, если она тебе нравится, не надо так жестко подначивать.

— Тш-ш! — Цин Нин прижал палец к губам. — Не мели чепухи, понял?

Гуантоу решил, что тот просто не хочет афишировать свои чувства, и виновато хохотнул:

— Понял, молчу. Впредь буду осторожнее.

Видимо, из-за того, что Чунь Сян вернулась в поместье, Чу Вэй вскоре снова заглянул в больницу. Он был в добром расположении духа и, присев у кровати, первым делом сообщил:

— Чунь Сян наотрез отказалась возвращаться сюда, а я не стал её принуждать. К тому же врач сказал, что угрозы жизни больше нет — можно ехать домой, там и долечишься.

Услышав, что можно возвращаться, Цин Нин приободрился. Он осторожно поменял позу и спросил:

— А что с Ци Санем?

— Не забивай себе голову, я сам со всем разберусь, — Чу Вэй мягко улыбнулся. — С Ци Санем всё будет... хорошо.

Последнее слово он произнес так вкрадчиво и в то же время зловеще, что у Цин Нина невольно поползли мурашки по коже.

Цин Нина перевезли в резиденцию Чу. Чу Вэй и раньше говорил, что тот будет восстанавливаться в Чжэнфане, и Цин Нин полагал, что его поселят в Сиэрфане. Однако он и представить не мог, что за время его отсутствия в Чжэнфане появится еще одна кровать — прямо напротив ложа хозяина.

Когда братья осторожно опустили его на постель, Цин Нин ощутил неладное.

«Это как сахар с битым стеклом... Спать в одной комнате с Чу Вэем, кровать к кровати — да разве тут уснешь?!»

— Тебе не нравится? — Чу Вэй поджал губы и нахмурился, с затаенной надеждой глядя на него. — Так Чунь Сян будет проще приглядывать за нами обоими.

«А-а, так он просто хочет, чтобы она почаще бывала у него на виду», — догадался Цин Нин. Он понимающе кивнул и, кривя душой, ответил:

— Всё отлично. Так даже лучше.

Лишь тогда Чу Вэй наконец расслабился и улыбнулся.

Как оказалось, Чунь Сян заходила лишь вечером перед сном — согреть постель Чу Вэю. О Цин Нине она и не думала. Тот понял, что его попросту обвели вокруг пальца.

Чу Вэй принес из внешней комнаты лекарство. Он тяжело дышал, будто только что пробежал круг по двору, а на лбу выступила испарина. Усевшись на край постели Цин Нина, он зачерпнул ложкой темную жидкость и поднес к его губам.

— Время пить лекарство. После дам сладостей.

Цин Нин только и смог, что промолчать.

«Ох уж эти мужчины!»

Ради того, чтобы Чунь Сян и близко к нему не подходила, господин готов сам кормить его с ложечки. Вот уж истинный пример того, как надо оберегать свою пассивность от конкурентов!

Цин Нин перехватил чашу и осушил её залпом. Его передернуло от горечи, и он поспешно запихнул в рот цукат, чтобы хоть немного перебить вкус.

Чу Вэй медленно перебрался на свою кровать. У него под рукой, на таком же низком столике, стояла точно такая же чаша с лекарством и блюдо со сладостями. Он тоже выпил всё одним махом и закусил медом.

Оба взрослых мужчины, точно на чаепитии, сидели в своих постелях, жуя сладости в унисон.

Когда блюдо опустело, в Чжэнфане появилась Чу Вэйин, пропадавшая весь день в делах.

Увидев перемены в обстановке, она изумилась даже больше Цин Нина. Одарив брата взглядом как какого-то чужака, она присела рядом с раненым.

— Ну как ты? Рана еще болит?

С момента покушения Цин Нин слышал этот вопрос раз сто, поэтому ответил заученно:

— Почти не болит. Ради молодого господина я и не такое стерплю.

Чу Вэйин почувствовала, что оба брата ведут себя как-то странно. Она сухо усмехнулась:

— Не думала, что ты так сильно любишь моего брата.

Она имела в виду преданность, но Чу Вэй на своей кровати расплылся в такой довольной улыбке, что едва не засиял, хотя для приличия и прикрикнул на сестру:

— Что ты несешь?

— А разве я не права?.. — только и смогла вымолвить девушка.

Благодаря этой фразе в Чжэнфане воцарилась небывалая гармония. Они еще долго болтали о всякой всячине, пока разговор не перешел к делу.

Чу Вэй уже допросил Ци Саня. Тот сознался, что был лазутчиком Чжао Тяньцзюэ. Поскольку Чу Вэй не соглашался на поспешный брак сестры с Чжао, а другие конкуренты начали объединяться против Поместья Чжао, тот впал в отчаяние. Он надеялся, что, устранив Чу Вэя, сможет принудить Чу Вэйин к замужеству.

Цин Нин цокнул языком.

— У этого типа явно не все дома. С чего он взял, что смерть господина поможет ему жениться на молодой мисс?

Чу Вэйин лишь холодно хмыкнула:

— Что бы ни случилось с нашей семьей, я бы ни за что не пошла за него.

Чу Вэй тонко улыбнулся и промолчал. Во время последнего разговора с Чжао Тяньцзюэ он намеренно навел того на мысль, будто именно он — единственная преграда к браку с Вэйин. Это и заставило врага действовать опрометчиво.

Впрочем, ни сестре, ни Цин Нину знать об этом было ни к чему.

<http://bllate.org/book/17520/1662354>